

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье
М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям, можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ОГЮСТ СЕРРАЙЕ

(1840—1873 (?))

Огюст Серрайе родился в 1840 г. во Франции, в Драньенне, главном городе департамента Вар. Отец его, политический эмигрант, увёз Огюста в детстве в Лондон, где он и получил начальное образование. Когда Огюст подрос, он стал рабочим по выработке обувных колодок. Знакомство и близость с Карлом Марксом сыграли большую роль в жизни Серрайе. Его взгляды складывались под большим влиянием Маркса.

Огюст Серрайе принадлежал к числу немногих французских рабочих, усвоивших научный социализм. Маркс высоко его ценил и называл человеком «весьма высоких умственных способностей»¹. Вступив одним из первых, 24 лет от роду, в Международное Товарищество Рабочих, Серрайе сразу же принял активное участие в его деятельности. В начале 1870 г. он был назначен секретарём Генсовета для Бельгии, а в начале сентября избран членом Генерального совета I Интернационала. Серрайе отличался энергией, настойчивостью и красноречием — качествами, очень ценными для деятеля рабочего движения.

После революции 4 сентября и падения империи Серрайе был направлен Генсоветом в Париж для того, чтобы оказывать помощь парижскому Федеральному совету и осуществлять связь с I Интернационалом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 73.

В Париже Серрайе застал нерадостную картину: секции МТР фактически не существовали, Федеральный совет не работал, члены Интернационала были разбросаны по разным полкам регулярной армии и Национальной гвардии. Французские рабочие, в том числе и члены Интернационала, были захвачены волной шовинизма. В первом же своём письме Серрайе писал Марксу, что «человек, который осмеливается говорить правду в Париже, может быть почти растерзан» и что «лучшие и наилучшие из французов живут воспоминаниями 1792 года»¹.

Маркс был серьёзно озабочен шовинистическими настроениями, охватившими парижских рабочих. Чрезвычайно взволновало его также сообщение Серрайе о том, что в Париже назревает пролетарская революция с целью свержения буржуазной республики 4 сентября.

Во втором воззвании Генерального совета о франко-прусской войне Маркс объяснял французским рабочим, что «всякая попытка ниспровергнуть новое (республиканское.— А. Л.) правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием»². Маркс предупреждал против механического перенесения лозунга «Отечество в опасности» в обстановку франко-прусской войны, ибо «сражаться против пруссаков ради буржуазии было бы бессмысленно». «Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г. ...Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса»³.

Задача заключалась в том, чтобы объяснить французским, и в первую очередь парижским, рабочим сложность обстановки, необходимость собрать и организовать силы рабочего класса. В этом отношении чрезвычайно важно было опубликовать второе воззвание Генсовета, читать его рабочим, использовать его в борьбе с шовинистическими настроениями. Однако все попытки Серрайе опубликовать перевод второго воззвания Генсовета в парижской прессе остались безуспешными: это воззвание в парижских редакциях признавали «слишком пруссофильским»!

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 401.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 456.

³ Там же.

В Париже Серрайе сразу обратил на себя внимание общественности своими речами в клубах (особенно в так называемом «Дворе чудес»¹), смелыми выступлениями, критиковавшими правительство Национальной обороны.

Положение Интернационала в Париже осложнилось ещё и тем, что туда отправилась «французская секция»². Маркс очень опасался, что, прикрываясь именем Интернационала, «секция» станет вредить делу рабочего класса. Серрайе предстояло вести с ней борьбу от имени Генсовета. Все усилия Серрайе были направлены к тому, чтобы оживить деятельность секций, Федерального совета, заставить членов I Интернационала принять активное участие в политической жизни, разоблачать правительство Национальной обороны и одновременно организовывать силы рабочего класса.

Серрайе пытался добиться избрания нового Федерального совета; частично ему это удалось, и некоторое время существовало одновременно два Совета: старый Совет продолжал ещё существовать и вести борьбу против Серрайе и нового Федерального совета. Только в феврале произошло объединение обоих Советов. Однако настоячивые требования Серрайе об участии секций в политической жизни наталкивались на упорное сопротивление даже таких деятелей, как Варлен.

Секции Интернационала отказались поддержать бланкистскую демонстрацию 8 октября против правительства Национальной обороны; не нашло поддержки в членах Интернационала и выступление 31 октября: Федеральный совет заявил Серрайе, что они «не могут впутывать Интернационал в политику», а Варлен заявил, что «Интернационал как общество не может выступать политически»³.

То же самое повторилось и 22 января: «В январе была возможность,— писал Серрайе,— свергнуть правительство, и все руководящие деятели были готовы принять участие

¹ Место, где в средние века собирались воры и нищие (оно описано в книге В. Гюго «Собор Парижской богородицы»).

² Лондонская, так называемая «французская секция» была создана буржуазными республиканцами-эмигрантами с целью скомпрометировать Международное Товарищество Рабочих и сорвать его деятельность. Руководители секции (Везинье, Ле Любе, Ф. Пиа и др.) были разоблачены, а сама секция была исключена из Интернационала в 1868 г. Однако и после своего исключения «французская секция» продолжала борьбу с Генсоветом, с К. Марксом.

³ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 5.

в этом деле, но не захотели повести секции в организованное наступление; только один Малон выступил с двумя своими секциями»¹. Так же отрицательно относились почти все руководители парижских секций к участию в Центральном комитете Национальной гвардии.

Во время выборов в Национальное собрание, которое должно было утвердить условия заключённого с Пруссией мира, среди социалистически настроенных рабочих Парижа возникли серьёзные разногласия. Серрайе добивался того, чтобы была выработана единая программа действий и выставлен единый список кандидатов в Собрание от имени всех членов I Интернационала. Однако достичь этого Серрайе не удалось. Большинство членов Интернационала, состоявшее из правых прудонистов, заявило, что не желает голосовать за список, в который включён Бланки; по мнению же Серрайе, Бланки всё-таки был единственным человеком, «который до конца остался на своём посту»².

Меньшинство членов I Интернационала выставило свой список и выработало свои требования: образование республики, участие в широкой политической борьбе и другие. Отсутствие единства действий и единой программы сказалось на результатах выборов. Две трети Национального собрания состояло из реакционеров и монархистов. Голоса революционных рабочих потонули в этой массе.

Во второй половине февраля, после капитуляции Парижа Серрайе вернулся в Лондон. Здесь на заседании Генсовета он сделал обстоятельный доклад о положении во Франции.

После революции 18 марта Генсовет снова направил Серрайе в Париж. 29 марта Серрайе вернулся туда. Он сразу же узнал, что при выборах в Коммуну он был выдвинут кандидатом от II округа, но провален реакционным большинством.

Его первое письмо из революционного Парижа дышит большой уверенностью и оптимизмом. Серрайе заверял жену, что нашёл для неё работу («здесь всё спокойно») и что «весь Париж во всех отношениях в наших руках (то есть в руках революционных пролетариев.— А. Л.) или скоро будет в наших руках, как, например, почтовое

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 6.

² Там же, стр. 5.

ведомство»¹, что «единственное дело, которое не движается,— это открытие мастерских»², не работающих вследствие саботажа парижских предпринимателей, бжавших в Версаль и поручивших своим агентам дезорганизацию производства.

В этом же письме Серрайе упоминает об одном из главнейших для Коммуны мероприятий, которое он надеялся провести вскоре по приезде в Париж,— о «мероприятиях в пользу деревни» (то есть о необходимых мерах привлечения крестьянства на сторону Коммуны). Через жену Серрайе просил Маркса помочь ему в их разработке.

На следующий же день (30 марта) Серрайе, полный энтузиазма, пишет жене: «Какая разница между тем Парижем, который я вижу, и тем, который нам описывали! Всё спокойно, Коммуна признана всеми как совершившийся факт. Более того — ей служат с известным усердием. Если бы не Версаль, то всё было бы хорошо. Из 92 избрано уже 60 наших»³.

Хотя Серрайе был избран в Коммуну только при дополнительных выборах 16 апреля (он получил теперь 3141 голос), он ещё с начала апреля был введён в её Комиссию труда и обмена (избран он был в эту Комиссию только 21 апреля). Роль Серрайе и Франкеля в Комиссии труда и обмена Коммуны как неутомимых проводников социалистических идей I Интернационала была весьма значительной. Члены «меньшинства» — 22 человека, среди которых 16 были прудонистами и членами Интернационала, а Серрайе и Франкель были близкими к Марксу людьми, — сумели с успехом провести ряд важных социальных-экономических мероприятий.

Так, уже 16 апреля прудонист Авриаль, член Комиссии труда и обмена, внёс проект о брошенных хозяевами мастерских, который был принят Коммуной. По проекту Следственная комиссия, назначенная синдикальными палатами, должна была составить статистику покинутых мастерских и их инвентаря. Вслед за этим предполагалась передача их рабочим кооперативным ассоциациям. Сами участники

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 174.

² Там же, стр. 173.

³ Там же, стр. 176. Парижская федерация Интернационала выдвинула своих кандидатов в общем списке с Центральным комитетом 20 округов, представлявшем революционные организации Парижа. Было избрано 28 членов Интернационала.

Коммуны высоко оценивали этот декрет. «...Если бы в активе революции 18-го марта, — писал Лиссагарэ, — не было бы ничего, кроме создания Комиссии труда и обмена, то и тогда она сделала бы для рабочего больше, чем все буржуазные собрания Франции, начиная с 5-го мая 1789 года»¹.

Другим декретом, встретившим горячее одобрение в рабочих массах, было воспрещение ночной работы в булочных (20 апреля).

Не менее важным для парижских рабочих был декрет 27 апреля о запрещении штрафов и произвольных вычетов из заработной платы.

Живо интересовавший население вопрос о судьбе пустующих квартир бежавшей буржуазии был также разрешён в социалистическом духе — специальным декретом были реквизированы пустующие квартиры и предоставлены жителям обстреливаемых районов. Большим облегчением для парижской бедноты были два декрета: один — об отсрочке платежей по всем долговым обязательствам на три года и другой — о бесплатном возвращении из ломбарда вещей стоимостью до 20 франков.

В мае Коммуна провела несколько новых важных мероприятий определённо социалистического характера. Особенное значение имеет устав луврских оружейных мастерских, введивший выборность и ответственность всех руководящих работников. Рабочие самым широким образом вовлекались в руководство мастерскими, все выполненные ими работы ставились под контроль самих же рабочих. Были снижены высокие оклады начальства и повышена заработная плата низкооплачиваемых категорий.

Коммуна постановила давать военные заказы на пошивку обмундирования не паразитам-подрядчикам, наживавшимся на рабочих, а в первую очередь рабочим корпорациям. Оба последних декрета, а также закон о брошенных мастерских были проведены вопреки теории Прудона, сторонника мелких самостоятельных хозяйств. Новая организация, черты которой достаточно чётко определялись декретами Коммуны, «...должна была вести к коммунизму, то есть к прямой противоположности учению Прудона»², — говорил К. Маркс.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 200.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, стр. 441.

Все эти подлинно социалистические мероприятия, принятые прудонистами и бланкистами Коммуны вопреки их ложным теориям, были осуществлены Коммуной под прямым давлением массовых рабочих организаций.

Большую роль в проведении этих мероприятий сыграли выступления рабочих в клубах, их многочисленные письма в Коммуну, публиковавшиеся в газете «Père Duchêne» («Отец Дюшен»), близкой к бланкистским кругам. Вот, например, письмо некоего Ромэна, возмущавшегося: «Почему, чтобы приостановить большое кровопролитие, не пошлют заявить версальцам, что если палата не распустит себя в течение 24 часов, то к вечеру будет расстреляна первая половина заложников, а в последующие 24 часа — другая половина?..

Почему Коммуна так неэнергична?»¹.

В другом письме в Коммуну гражданка Роз-Пренс, муж которой томился в плену в Пруссии, а сама она голодала, умоляет дать ей работу, разрешить выдачу из ломбарда заложенных ею вещей, приостановить выселение из квартиры². Пешар требовал репрессий против паразитирующего духовенства и монахинь. Рабочий Альбран призывал парижан к оружию, чтобы спасти Республику³; другой рабочий требовал террора против контрреволюционеров и конфискации имущества прежних чиновников; третий — обращал внимание Коммуны на разврат и насилие, царившие в монастырях и сиротских домах; четвёртый — советовал использовать для нужд обороны золотые вещи в дворцах и на куполах церквей; некий Дотье жаловался на хищность домовладельцев — «этих торгашей кровлей», священников, торгующих своими обрядами, возбуждающих крестьян против Коммуны.

Маркс преклонялся перед революционной инициативой масс и «выше всего ставил то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно творит мировую историю».

Серрайе предложил членам Комиссии труда и обмена Коммуны выдвинуть проект об ипотечках⁴ и просил Маркса помочь ему при его составлении. Серрайе был убеждён,

¹ «Письма рабочих Парижской Коммуны», М. 1937, стр. 33. Палата — Национальное собрание.

² См. там же, стр. 34—38.

³ См. там же, стр. 39—45.

⁴ Ипотека — ссуда под залог недвижимости, главным образом земли.

что ему удастся провести его, ибо члены Интернационала обладали в Комиссии труда и обмена большинством. Правда, констатировал Серрайе, большинство это было «мютюалистским», то есть прудонистским («все,— писал он,— только и говорят о проекте народного банка, об обмене и т. д.»). Уже одно это, замечал Серрайе, могло дать представление о том, «как эти люди понимают социализм».

Серрайе придавал большое значение укреплению международных связей парижского пролетариата. После своего избрания Серрайе на заседании Коммуны от 21 апреля вместе с Малоном, Лефрансэ, Авриалем и Ланжевеном провёл предложение— поблагодарить английских республиканцев за сердечное приветствие Коммуне Парижа.

Единогласно было принято следующее предложение:

«Парижская Коммуна с признательностью приняла адрес английских республиканцев и посылает им из Парижа, борющегося за коммунальные свободы и за освобождение пролетариата, свою искреннюю благодарность»¹.

26 апреля Серрайе вместе с Алликсом и Арнольдом внесли на заседании Коммуны предложение — в ответ на расстрел версальцами четырёх федератов Коммуны разрушить или продать в пользу семейств погибших дом Тьера².

Однако некоторые члены Коммуны отнеслись скептически к этому предложению, считая его скороспелым и непродуманным, а самый факт расстрела — требующим ещё тщательной проверки. Коммуна согласилась с этим.

В течение всего апреля и мая Серрайе поддерживал связь с Генсоветом, с Марксом, регулярно сообщая о том, что происходит в Париже. Когда началась кровопролитная война с версальцами, Серрайе заверял, что дела идут хорошо и что Париж не хочет больше слышать ни о реставрации, ни о компромиссах. Он нисколько не унывал, повторяя, что никогда Париж не был ещё так спокоен и единодушен в борьбе за свои права. Серрайе с удовольствием отмечал чрезвычайно знаменательный факт — что мелкая буржуазия была в то время наряду с пролетариатом прочной опорой Коммуны, что буржуазные батальоны с 1 апреля не переставали сражаться совместно с пролетариями

Бельвилля. Серрайе верил в конечную победу коммунаров, приводя в качестве подтверждения тот факт, что почти ни один из батальонов, находящихся на передовых позициях, не требовал себе смены. Серрайе восхищался стойкостью и энергией революционного народа. Он был убеждён, что скоро против версальцев выступит «армия, более чем в 400 тысяч человек, хорошо вооружённая и на всё готовая». Несмотря на вероятность иностранной интервенции и на продовольственные затруднения (хорошо знакомые Парижу по недавней осаде), Париж храбро сражался и ни за что не намерен был сдаться — сообщал Серрайе.

«Как жаль, что весь мир не может посмотреть сейчас на Париж! — восклицал Серрайе.— Это было бы окончательным приговором для всех полицейских систем!»

В течение всего этого времени Серрайе пришлось вести ожесточённую борьбу с Ф. Пиа и другими членами «французской секции», задавшимися целью скомпрометировать в глазах парижан представителя Генсовета и друга К. Маркса. Пиа распространял про Серрайе настолько нелепые и гнусные сплетни, что Маркс по поручению Генсовета счёл своим долгом выступить в защиту репутации Серрайе. В письме к Лео Франкелю от 26 апреля 1871 г. Маркс заявил для всеобщего сведения, что «политическая жизнь Серрайе не представляет никаких поводов для клеветы» и что, «если бы частная жизнь Пиа была бы так же чиста, как жизнь Серрайе, ему не пришлось бы подвергаться некоторым тяжким оскорблениям здесь, в Лондоне»¹.

На заседании 28 апреля Серрайе выступил с энергичным протестом по поводу клеветнических измышлений Пиа по его адресу². Однако и после этого Пиа продолжал выступать против Серрайе.

В начале мая в Коммуне начались серьёзные разногласия между «большинством» и «меньшинством». Серрайе присоединился к «меньшинству» Коммуны, решившему не посещать её заседаний. Федеральный совет парижских секций Интернационала созвал по этому поводу специальное заседание, пригласив на него Франкеля, Серрайе и делегатов секций. Федеральный совет признал принципиально

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. I, p. 344.

² Ibid., p. 508—509.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 112—113.

² См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 545.

правильными мотивы выступления «меньшинства», но убедительно призывал их во имя спасения дела трудящихся приложить все усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для победы над версальским правительством¹. 17 мая члены «меньшинства» явились (за небольшим исключением) на заседание Коммуны. Серрайте выступил со следующим заявлением: «Единственное, в чём можно нас упрекнуть, это преждевременное разглашение всего этого дела... В воскресенье и понедельник мы явились сюда, но заседание не состоялось. Тогда мы составили наш манифест... Но я не согласен с заявлением Груссе, обвиняющего нас в заговоре. Он не имел права говорить это... Наоборот, мы хотим, чтобы наши действия контролировались. Да! Подписывая манифест, мы стремились к тому, чтобы не срывать работ Комитета общественного спасения; но мы не можем присоединиться к решению, где-то заранее подготовленному. Принятая нами мера была осуществлена в общих интересах... Повторяю: я подписал манифест и ни за что не сниму своей подписи»².

Своё присоединение к «меньшинству», отвергавшему революционный террор и меры насильственного подавления буржуазии и резко осуждавшему образование Комитета общественного спасения, Серрайте мотивировал следующим образом: он «против всякого создания Коммуной диктаторской власти, являющейся подлинной узурпацией суверенитета народа, причём это никоим образом не усиливает власти Коммуны». Создание органа диктатуры является, по мнению Серрайте, нарушением тех целей, которые преследовала революция 18 марта. «Это — будет либо опасный, либо бесполезный, либо невероятно жестокий, либо совершенно безвредный возврат к прошлому, который может оказаться для нас уроком, но подражания не заслуживает. Я воздерживаюсь и протестую»³. Позиция «меньшинства», поддержанная Серрайте, была глубоко ошибочной; она ослабляла Коммуну и ускорила её гибель в тот момент, когда дни Коммуны были и без того сочтены.

После падения Коммуны Серрайте удалось благополучно пробраться через прусские аванпосты и вернуться в Лондон.

¹ См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 376.

² Ibid., p. 400.

³ Ibid., p. 26, 34.

В Лондоне он продолжал активно участвовать в работах Интернационала и входил в состав Генсовета Интернационала; в сентябре 1871 г. Серрайте был по настоянию Маркса избран секретарём-корреспондентом для Франции.

После гибели Парижской Коммуны Генсовет I Интернационала в течение некоторого времени продолжал вести борьбу с членами «французской секции». В этой борьбе Серрайте, как секретарь-корреспондент для Франции, принял деятельное участие.

9 апреля 1872 г. Серрайте выступил в бельгийской газете «La Liberté» с разоблачением провокационного требования Везинье, члена «французской секции», — аннулировать полномочия Генсовета, которые якобы истекли ещё в сентябре 1870 г. Серрайте разъяснил, что ввиду политических событий 1870—1871 гг. созыв конгресса (а стало быть, и переизбрание Генсовета) был неосуществим. Что касается самого Везинье, лживо называвшего себя «членом Интернационала», то, как известно, он ещё до Коммуны по категорическому настоянию Варлена был исключён из Интернационала, как злостный клеветник и автор клеветнических статей в «Echo» и «Cigale». Выступил Серрайте также и против попытки Везинье взять под свою защиту Оджера, одного из оппортунистических руководителей британских тред-юнионов. Везинье объяснял уход Оджера из I Интернационала тем, что он-де «не желал прикрывать своим именем узурпацию власти и тайные манёвры Генсовета». Серрайте указывал в статье по этому поводу, что Оджер в последнее время потерял всякое доверие рабочих обществ и стал во время франко-прусской войны агентом Жюля Фавра, избличённого в «Гражданской войне во Франции»¹.

Подпись Серрайте значится под декларацией Генсовета Интернационала от 20 мая 1872 г.², содержащей энергичный протест всех членов Генсовета против памфлета исключённых из МТР в 1868 г. Везинье, Ландека и др., а также организаций, не имевших никакого отношения к Интернационалу (Всеобщей республиканской лиги, Лиги труда и земли и т. д.).

Целью, которую ставили перед собой авторы памфлета, было произвести переворот в Интернационале и захватить

¹ См. «La Liberté», 14 avril 1872.

² См. «Le Mirabeau», Verviers, 9 juin 1872.

его в свои руки. Декларация Генсовета решительно разоблачала этот новоявленный «Всеобщий совет Интернационала».

После Гаагского конгресса, в котором Серраиё принимал активное участие, он поддерживал тесную связь с уцелевшими от преследований реакцией секциями Интернационала во Франции, в частности на юге страны.

Через Э. Ларрока, рекомендованного ему Лафаргом, Серраиё договаривался о проведении съезда членов южных секций для обсуждения решений Гаагского конгресса и организации сил сторонников Маркса в борьбе с бакунистами. «По-моему, это необходимо,— писал Серраиё,— если мы не хотим потерять результат годового труда. Чтобы парализовать действие этих педантов, мы договорились созвать областной съезд в Тулузе. Я очень рассчитываю на этот съезд, цель которого — признать резолюции Гаагского конгресса... может быть, я увлекаюсь, но мне кажется, что это будет блестящим ударом». Посредством этого съезда Серраиё рассчитывал в дальнейшем объединить социалистов всего юга Франции.

Последние упоминания о Серраиё в документах и печати относятся к 1873 г., после чего имя его нигде не встречается. Повидимому, он тогда же незаметно и скромно сошёл с политической арены, сыграв важную и яркую роль в истории Парижской Коммуны 1871 г.